

ДАР СЛЫШАТЬ

Влад Велирский

Влад Велирский

Дар слышать

<https://litres.ru/74341658>

SelfPub; 2026

Аннотация

Девятнадцатилетняя Яна Рей плохо различает чужие эмоциональные сигналы и мечтает наконец понимать людей без ошибок — особенно младшего брата Льва. Городская система «Созвучие» обещает именно это: добровольные микрореакции превращаются для оператора в ясный хор чувств.

Но чем точнее Яна слышит город, тем труднее понять, где заканчивается сигнал и начинается чужое толкование. Отозванные отклики остаются в прогнозах, молчание объявляют угрозой, а решения операторов подписывают именами тех, кто не давал согласия. Когда Яна нарушает обещание и открывает закрытый след брата, полезный результат превращает её в соучастницу системы, с которой она боролась.

Чтобы остановить город от насилия, Яне придётся отказаться от мечты о безошибочной близости и доказать: услышать человека — ещё не значит получить право говорить и решать за него.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Тихая настройщица	8
Глава 2. Срок согласия	20
Ошибка узнавания	32
Глава 4. Первый хор	44
Глава 5. Полезное вторжение	56
Глава 6. Брат без перевода	69
Глава 7. Демонстрация	81
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Влад Велирский

Дар слышать

От автора

Нам часто кажется, что большинство ссор можно было бы предотвратить, если бы люди внимательнее слышали друг друга. Не только слова — всё, что прячется за ними: страх, обиду, усталость, надежду, неловкую просьбу о помощи. В этой мысли есть большая правда. Есть в ней и опасное продолжение: будто человек, распознавший чужое чувство, автоматически получает право назвать его, объяснить и решить, что теперь следует делать.

«Дар слышать» вырос из вопроса о границе между вниманием и вторжением. Что произойдёт, если техника позволит улавливать эмоциональные сигналы намного точнее, чем мы умеем сейчас? Станем ли мы бережнее — или просто получим новый способ выносить решения за других? И кто будет отвечать за ошибку, если прибор уловил настоящий страх, оператор истолковал его как угрозу, а чиновник превратил толкование в приказ?

В мире романа система «Созвучие» не читает мысли. Она не обнаруживает скрытую истину личности и не делает человека мудрее. Она собирает телесные и голосовые отклики

тех, кто согласился их передать, а затем переводит их в переживание оператора. Такой перевод может быть точным как сигнал и ошибочным как смысл. Дрожь бывает страхом, холодом, яростью, воспоминанием или усилием не показать ни одного из этих состояний. Даже верно распознанное чувство ещё ничего не говорит о намерении. Человек может бояться и всё же остаться; злиться и не причинить вреда; любить и сказать «нет».

Яна Рей начинает свой путь с понятного желания: перестать ошибаться в людях, особенно в тех, кто ей дорог. Возможность чувствовать больше кажется ей лекарством от собственной неловкости. Но близость, лишённая риска непонимания, быстро становится похожа на контроль. Чем полезнее оказывается новая способность, тем труднее отказаться от неё именно в тот момент, когда согласия нет, а ставка высока. Самый важный выбор приходится делать не между добром и злом, а между двумя видами ответственности: попытаться предотвратить беду сейчас или сохранить чужое право самому распоряжаться тем, что было услышано.

Это фантастическая история, а не описание существующей медицинской или городской технологии. Её механизмы придуманы для разговора о согласии, доверии и власти толкования. Однако человеческая привычка принимать свою догадку за чужое признание вполне реальна. Мы встречаем её всякий раз, когда говорим: «Я же вижу, что ты на самом деле чувствуешь», — и перестаём ждать ответа.

В книге нет простого призыва отказаться от инструментов, способных помочь. Тишина тоже не всегда безопасна: непризнанный страх может копиться, просьба — остаться незамеченной, а чужое равнодушие — стать удобной ширмой. Но польза не отменяет вопроса о границах. Технология становится человеческой не потому, что лучше угадывает, а потому, что оставляет место для проверки, несогласия и молчания.

Форма романа следует за восприятием Яны. Сначала мир дан ей через то, что можно увидеть и услышать со стороны: паузы, жесты, сбившееся дыхание, слишком быстрый ответ. Затем в тексте появляется многоголосие «Созвучия», и чужие реакции становятся почти осязаемыми. Позднее голоса смешиваются, а уверенность перестаёт означать ясность. В финале различия возвращаются не как утрата дара, а как приобретённая дисциплина: отделять сигнал от его смысла, своё чувство от чужого и помощь от права решать.

Эту историю лучше читать, не пытаясь заранее определить, кто из героев «за эмпатию», а кто против неё. У каждого есть законная причина бояться слепоты или всеведения. Их поступки различаются не силой чувств, а тем, что они позволяют себе сделать с чужими чувствами. Здесь понимание может спасти жизнь, нарушение границы может принести полезный результат, а отказ отвечать — оказаться не холодностью, а единственным честным ответом.

Если после последней страницы вопрос «что он чувству-

ет?» хотя бы иногда будет уступать место вопросу «хочет ли он, чтобы я это знал и что мне с этим позволено делать?», значит, путешествие Яны состоялось не только внутри вымышленного города.

Глава 1. Тихая настройщица

Первый паром не отходил сорок три минуты.

Он стоял у причала, прижатый к серой воде тяжёлым боком. За стеклянной стеной терминала пассажиры смотрели на закрытые створки и людей в оранжевых жилетах, перегородивших турникеты грузовыми лентами.

Яна Рей сидела на корточках у стойки переговорного контура и держала между зубами колпачок от световода. В открытом люке теснились четыре старых разъёма и новый муниципальный модуль, слишком белый для здешней пыли. На его панели мигала янтарная надпись: «Недостаточная согласованность».

— Если ты ещё раз перезапустишь линию, они решат, что мы их сканируем, — сказала над ней Дара Клим, старшая смены терминала.

— Я не перезапускаю.

Яна показала на тонкий синий провод.

— Отделяю голосовой канал от отклика.

— Вчера были связаны правильно.

— Вчера половина датчиков была отключена.

Дара шумно втянула воздух. По этому нельзя было понять, сердится она или просто пробежала по лестнице. Яна знала: один и тот же жест имел слишком много причин.

В наушнике потрескивал общий канал.

— Терминал, подтверждаете готовность вывести состав номер восемь? — спросил диспетчер с верхней галереи.

У турникетов заговорили сразу трое. Контур обрезал начала фраз и выдал в наушник гладкий голос:

— Участники демонстрируют высокий уровень сопротивления. Рекомендуется пауза и присутствие службы порядка.

— Отключи эту дрянь! — крикнул мужчина в оранжевом жилете. — Мы не давали согласия на диагностику.

— На голосовую связь давали, — ответила Дара.

— На связь. Не на то, чтобы ваша коробка решала, кто тут сопротивляется.

За его спиной загудели. Пассажиры подхватили другое: «Когда отправление?» Система снова высветила недостаточную согласованность.

Яна нашла утреннюю отметку. Согласие работников на передачу голоса и микрореакций закончилось в девять двадцать; диспетчерская продлила своё до полудня. Контур принимал данные только с одной стороны и сравнивал их с чужим молчанием.

— Он сейчас слышит только диспетчеров, — сказала Яна. Дара наклонилась к экрану.

— Но заключение про работников.

— Потому что их отсутствие система считает отклонением от вчерашнего профиля.

— Исправь.

— Для полного режима нужно новое согласие работни-

ков.

— Не будет согласия. Пока двоих не вернут в смену и не проверят аварийный трап.

— Кост, — предупредила Дара, — сейчас речь о пароме с шестьюстами пассажирами.

— А у нас речь о трапе, который ходит под ногами на четыре пальца.

Диспетчер наверху включил направленный микрофон.

— Трап проверен автоматикой. Допуск действующий. Освободите турникеты, иначе портовая служба оформит простой как нарушение режима безопасности.

— Вот и оформляйте.

На табло прибавилось ещё семь минут задержки.

Дара присела рядом с Яной.

— Ты вызвалась на аварийную настройку, потому что хотела постоянный контракт. Вот авария. Дай им рабочий канал.

— Голос уже работает.

— Он усиливает спор.

— Спор усиливают они.

— Контур не примирит требования, которых ему не сообщили.

— Тогда заставь его получить больше.

Яна посмотрела на строку согласия. Можно было повторно запросить доступ у всех браслетов. Люди часто нажимали зелёную кнопку, не читая, особенно под словом «безопас-

ность». Через минуту система показала бы цветные полосы и назвала одну главной.

Яна закрыла окно запроса.

— Я переведу его в минимальный режим.

— Он и так почти ничего не получает.

— Поэтому и ошибается. Он делает вид, что недостающих данных нет. В минимальном режиме ему запрещено толковать.

— Нам для этого настройщица не нужна. Обычный громкоговоритель дешевле.

У Яны стали горячими уши. Три месяца стажировки она чистила чужие журналы и меняла световоды. Если сегодня она оставит от дорогого контура один громкоговоритель, ставку отдадут тому, кто не боится включать все функции.

Сверху снова пришёл голос диспетчера:

— Дара, у нас окно на выход закрывается через девятнадцать минут. Потом туман с внешней дамбы.

— Слышала, — ответила она и, прикрыв микрофон, сказала Яне: — Делай хоть что-нибудь.

Яна вставила световод. На панели загорелись четыре шкалы чувствительности. Она потянула общий ползунок вниз. Янтарное предупреждение сменилось красным:

«Прогноз результата недоступен».

— Подтверждаю, — сказала Яна.

Система попросила код старшей смены. Дара не шевельнулась.

— Если они сорвут окно, в журнале будет моё имя.

— Сейчас в журнале уже ваше имя под оценкой людей, которые ничего не передавали.

Дара посмотрела на неё внимательно. Яна выдержала взгляд, хотя не понимала, что именно в нём было: угроза, сомнение или усталость. Наконец Дара приложила браслет к панели.

Системный голос оборвался. Зал стал неровным: далёкие слова проваливались, близкие били резко. Настоящие голоса оказались хуже настроенных, зато принадлежали людям.

— Кост, — сказала Яна в микрофон. — Я отключила анализ откликов. Передаётся только речь. Вы согласны говорить в таком режиме?

Он подошёл к стойке, не переходя ленту.

— Записи не будет?

— Голосовой протокол останется. Эмоционального профиля и автоматических выводов не будет.

— А если вы потом прогоните запись через свой анализатор?

Яна открыла свойства сеанса и развернула экран к нему.

— Для этой линии запрещена повторная обработка. Здесь номер правила и срок удаления сырого звука — семь суток. Я не могу обещать, что город никогда не изменит правило. Могу показать, какое действует сейчас.

— Ладно. Только речь.

— Диспетчерская? — спросила Яна.

После паузы сверху ответили:

— Подтверждаем.

— Тогда каждая сторона называет одно условие, без которого считает выход небезопасным. Не причину забастовки целиком. Одно проверяемое условие на ближайшие двадцать минут.

— С какой стати ты устанавливаешь порядок? — спросил диспетчер.

— Я устанавливаю предел канала. Могу отключить и его.

Яна прижала ладонь к стойке, чтобы не выдать дрожь. Два полных списка требований не помещались в оставшееся окно, а системе нельзя было позволить выбрать главное вместо участников.

Кост заговорил первым:

— До выхода человек от диспетчерской идёт с нами на третий трап и проверяет люфт под нагрузкой. Не автоматически. Стоит ногами и смотрит крепление.

— Трап имеет допуск, — немедленно ответили сверху.

— Это не условие, — сказала Яна. — Это ответ на чужое. Назовите своё.

— Освободить проход к восьмому причалу и вернуть дежурную бригаду к швартовочным постам.

— Полностью? — спросила Яна.

— Минимум четверых. И убрать ленту с аварийного выхода.

— Четверо вернутся, — сказал Кост. — После того как

ваш человек встанет на трап.

— До проверки нам нужно провести пассажиров, — возразил диспетчер.

— Тогда нечего проверять. Под людьми он и так держится, пока не перестанет.

Их голоса снова полезли друг на друга. Яна убрала предложение повысить коррекцию.

— У вас два условия, — сказала она. — Их можно выполнить одновременно. Четверо подходят к постам, не начиная швартовку. Представитель диспетчерской идёт с двумя работниками на трап. После проверки Кост снимает основную ленту. Если состояние спорное, паром остаётся и решение подписывают живые люди, а не контур.

— Ты берёшь ответственность? — спросил диспетчер.

Яна едва не ответила «да»: это прозвучало бы убедительно. Но она не знала конструкции трапа и не имела права разрешать выход.

— Нет. Я отвечаю только за то, что канал не приписывает вам выводы. Решение о трапе останется за теми, у кого есть допуск.

Дара выпрямилась.

— Я иду на проверку, — сказала она. — Мой допуск есть в журнале. Кост, двое ваших со мной. Остальные четверо к постам. Швартовку не начинаем до моего подтверждения.

Впервые с момента прихода Яна увидела, что Кост не отвечает сразу. Он повернулся к своим, коротко перегово-

рил без микрофона. Она различала только отдельные слова: «крепление», «вчера», «не один». Никакая шкала не подсказала, согласится ли он. Это было мучительно и почему-то честно.

— Идём, — сказал Кост.

Лента осталась, но люди разошлись. Четверо направились к причалу, Дара и двое других — к технической лестнице.

— Выход пока закрыт, — объявила Яна. — Проверка займёт несколько минут.

— Это мы уже слышали! — крикнули из очереди.

Она могла бы добавить, что ситуация под контролем. Так обычно говорил автоматический диктор. Но контроля у неё не было.

— Да, — ответила Яна. — Точного времени у меня нет. Следующее сообщение будет после проверки трапа.

Гул не исчез, зато люди перестали бросаться к створкам при каждом движении работников.

По технической камере Яна увидела, как Дара спустилась к трапу. Кост несколько раз перенёс вес на край площадки. Дара присела у крепления. Звук туда не доходил.

На панели не было цветных графиков. Только список согласившихся на голос и красная строка: «Прогноз результата недоступен».

— Непривычно, когда машина не знает, чем всё кончится, — произнёс рядом мужской голос.

Возле стойки стоял высокий человек в тёмном плаще без

портовой эмблемы.

— Она и в полном режиме не знает, — сказала Яна. — Только не признаётся так заметно.

— Вы снизили чувствительность при недостатке данных. Большинство настройщиков повышают.

— Большинство не сидит потом перед людьми, которых система назвала угрозой по чужому пульсу.

На воротнике она заметила серебряную дугу — знак муниципальной программы «Созвучие».

— Здесь это уже произошло. Работники отзывали согласие, а система получила реакции диспетчеров и написала вывод о работниках. Автор вывода — непонятно кто.

Человек наклонился к экрану, не касаясь его.

— Марен Вольт.

Руководитель городской программы редко приезжал сам. Живую он выглядел моложе и гораздо более уставшим.

— Яна Рей, стажёр, — ответила она.

— Я знаю. Ваш код стоит под изменением режима.

В технической камере Дара поднялась и трижды показала большой палец. Потом указала на нижнее крепление и провела ладонью поперёк горла: остановить. Кост встал рядом, заслонив объектив, и изображение на секунду потемнело.

В наушнике ожил голос Дары:

— Люфт в допуске, но кожух нижнего замка треснул. Автоматика видит нагрузку, не видит, что трещина растёт. Восьмой не выпускаем. Переводим людей на девятый, если

швартовочная бригада готова.

— Готова, — ответил диспетчер после короткой пере-
клички.

Кост снял основную ленту. Работники открыли проход, диспетчерская поменяла причал, пассажиры двинулись к соседней створке.

Дара остановилась у стойки, тяжело дыша.

— Запиши трещину в аварийный журнал. И то, что контур её пропустил.

— Контур не проверяет металл, — сказала Яна.

— Он два часа рассказывал нам, что опасно настроение людей. Пусть в журнале будет, что опасным оказался замок.

Она подписала решение об остановке и посмотрела на красную строку прогноза.

— Оставь минимальный режим до конца смены.

Для Яны это прозвучало лучше, чем похвала.

Когда Дара ушла к девятому причалу, Марен спросил:

— Вы понимаете, что без расширенных откликов могли не заметить подготовку к драке?

— Могли.

— А с ними могли заметить.

— Или принять страх за подготовку к драке.

— Поэтому системе нужны хорошие операторы.

Яна закрыла люк. За стеклом Кост направлял пассажиров. Перестал ли он злиться, для работы оказалось неважно.

— Хороший оператор тоже толкует, — сказала она.

— Но знает, что толкует. Мы запускаем пилот, в котором эта разница будет видна самому оператору. Не только полосы и готовое заключение. Несколько возможных смыслов одновременно.

— Я читала описание. Туда берут штатных специалистов.

— Теперь берут и одного стажёра.

Марен передал ей карточку с адресом лаборатории, временем и допуском к первичной оценке.

— Это приглашение или проверка? — спросила Яна.

— Сначала проверка. Приглашением оно станет, если вы придёте.

Он ушёл к диспетчерской лестнице. За постоянным контрактом вдруг открылась дверь туда, где система, возможно, позволяла услышать то, что другие ловили без усилия.

Телефон в кармане дважды коротко завибрировал. Сообщение пришло от Льва.

«Ты опять в терминале? Мама сказала, там забастовка».

Следом появилось второе:

«И ещё. Если тебя возьмут в городской пилот, не подключай мой школьный браслет. Ни для теста, ни обезличенно. Вообще никак».

О пилоте Яна дома не говорила. Даже ей самой до этой минуты никто не обещал места.

Пальцы уже набрали: «Почему?»

Она остановилась, глядя на мигающий курсор. За стеклом разводили пассажирские потоки; диспетчеры и бастую-

щие работали рядом, не став ни дружелюбнее, ни понятнее друг другу. Они просто назвали условия, которые можно было проверить.

Яна стёрла вопрос и написала:

«Не подключу. Обещаю».

Ответа не было. Над её ладонью горела карточка Марена, а на экране контура — честная красная строка о том, что результата он не знает.

Глава 2. Срок согласия

Лаборатория ещё притворялась пустой.

Полосы вдоль пола вели Яну к круглому залу с низкой платформой и кольцом матовых пластин. Остановиться хотелось ещё у двери.

На браслете оставалось непрочитанным ночное сообщение Льва: «Спасибо». Одно слово в ответ на обещание не подключать его школьный профиль. Яна перечитала его уже в трамвае и теперь снова убрала экран, не открывая переписку.

— Вы пришли раньше, — сказал Марен из-за пульта. — Для усиления запас времени бесполезен.

На столе перед ним лежали три накопителя в запечатанных конвертах.

— Почему бесполезный?

— Девять минут начнутся, когда последний участник подтвердит согласие.

У кольца Мира Таль, специалист по протоколам, проверяла контакты. Техник Сава Орс раскладывал четыре браслета.

— Сначала без усиления, — сказала Мира. — Вы получите три линии от добровольцев в соседних комнатах. Голос отключён. Участники будут выполнять простые задания, а вы отметите только наблюдаемое: изменение дыхания, мышечное напряжение, темп движения. Потом система предло-

жит варианты толкования.

— Какие задания?

— Если скажем, вы начнёте угадывать не сигнал, а сценарий.

Сава протянул Яне браслет.

— Ваш канал четвёртый. Он нужен, чтобы система не выдавала собственную реакцию за чужую.

— Она умеет разделять?

— Пытается, — ответил он. — Мы тоже.

Яна прочла текст согласия: передача пульсовой волны, дыхания и микродвижений для оценки устойчивости; исходные данные — до конца сеанса; карта собственных реакций — отдельно по выбору. Девять минут с общего подтверждения. Повторное использование — только по новому согласию.

— Почему именно девять?

Марен взглянул на Миру, но ответил сам:

— В ранних испытаниях люди соглашались на «короткую сессию». Для одного короткая — пять минут, для другого — полчаса. Девять выбрали как предел, который нельзя растянуть словами.

— А десять уже опасно?

— Не биологически. Юридически и человечески. В десять минут человек уже не соглашался.

Яна приложила палец к подтверждению, но не нажала.

— А участники видят тот же текст?

Мира развернула три маленьких экрана. На каждом была такая же форма, только вместо «оператор» стояло «носитель сигнала».

— Видят. Могут выйти в любую секунду. Если один отзовет согласие, его линия исчезнет, остальные продолжатся до своего срока.

— Его данные исчезнут или просто перестанут поступать? Сава перестал поправлять кабель.

— Перестанут поступать в рабочий слой. Сырой буфер очищается после завершения процедуры.

— После завершения, а не после отзыва?

— Иначе мы не сможем доказать, что отключили линию в нужный момент, — сказал Марен. — Журнал должен сохранить техническое событие. Сам сигнал остаётся в изолированном остатке без имени и без доступа из интерфейса.

Яна посмотрела на запечатанные накопители.

— Это такие остатки?

— Учебные. Все участники отдельно разрешили повторное использование.

Она снова прочла форму и нажала подтверждение.

Последний участник медлил. Яна вдруг захотела, чтобы он отказался: тогда можно уйти, не признавшись, что ей страшно.

Третий экран стал зелёным.

Над пультом возникло: «09:00».

На панели шли линии без подписей. Первая ускорилась

и выровнялась, вторая дрожала короткими всплесками, под медленной третьей росло мышечное напряжение.

— Линия один: дыхание участилось, затем восстановилось, — сказала Яна. — Линия два: повторяющиеся микро-движения кисти. Линия три: неподвижность и напряжение плеч.

Система предложила по три равновероятных версии: для первой — испуг, ожидание, усилие; для второй — раздражение, азарт, попытку вспомнить; для третьей — страх, сосредоточение, сопротивление движению.

— Выберите основное, — сказала Мира.

— На каком основании?

— На своём.

Яна поставила везде «недостаточно данных».

— Осторожность не считается точностью, — заметил Марен.

— А угадывание считается?

— После задания мы узнаем ответы участников. Сможем сравнить.

— Узнаем, что они скажут об ответах. Это не то же самое. Уголок рта Миры дрогнул. Таймер показывал 06:41.

— Переходим к усилению, — сказала она.

Пластины повернулись внутрь. Яна положила ладони на поручни. Пальцы показались слишком далёкими, ворот рубашки — тесным.

Потом первая линия толкнула её под рёбра.

Не боль: короткое падение на ровном полу и быстрое облегчение. Вторая линия отдалась зудом в ладони и желанием повторить движение. Третья легла тяжестью на плечи; хотелось стать уже, занять меньше места.

На панели по-прежнему были только кривые. Слова появлялись у Яны сами, и от этого казались правдивее системных вариантов.

— Один испугался, но уже понял, что опасности нет. Второй нервничает, потому что не получается. Третий боится того, что сейчас увидит.

— Наблюдение или толкование? — спросила Мира.

Яна сжала холодный поручень.

— Толкование.

— Уверенность?

— В первом высокая. Во втором... средняя. В третьем высокая.

— Отметьте отдельно.

Пока Яна раскладывала версии, она представила пальцы, не попадающие в петлю, хотя ничего такого не видела.

Таймер показывал 04:58.

Задание сменилось. Первая линия стала тёплой и широкой. Вторая оборвалась, потом вернулась частыми толчками. Третья тяжесть поднялась от плеч к горлу.

— Третий не хочет продолжать, — сказала Яна.

Экран третьего участника оставался зелёным.

— Он не отозвал согласие, — ответил Марен.

— Я не сказала, что отозвал. Я сказала, что не хочет.

— Это проверяемая гипотеза. Не команда остановки.

Зелёный знак был решением участника. Чувство не отмечало согласия, но согласие не превращало любое чувство в желание продолжать.

— Можно спросить его?

— После задания, — сказала Мира. — Иначе вы измените сигнал.

Тяжесть в горле усилилась. Яна вдруг вспомнила, как Лев стоял у кухонного окна, пока она объясняла, что школьный браслет собирает только стандартные показатели. Он сказал тогда: «Ты всё равно услышишь больше, чем там написано». Она ответила, что он драматизирует. Сейчас собственное слово показалось ей чужим и липким.

— Я прошу проверить согласие третьего участника сейчас.

Мира коснулась своего экрана. Над третьей линией возник простой вопрос: «Продолжить?»

Зелёная отметка погасла. Через секунду загорелась снова. Тяжесть не исчезла.

— Продолжает, — сказал Марен.

Яна кивнула. Ей не стало спокойнее, зато решение снова принадлежало участнику.

На 02:12 возник слабый четвёртый слой без номера — чужое напряжение, оставшееся от прежнего упражнения.

— Что это?

— Остаточный след настройки, — ответил Сава. — Он обезличен. В расчёт не входит.

— Я его чувствую.

— Значит, входит, — сухо сказала Мира и сделала отметку.

Марен поднял один из запечатанных накопителей.

— После девяти минут живые линии закроются. Мы можем продолжить калибровку на остатке. Там нет личности, только форма реакции. Ещё три минуты дадут нам чистое сравнение без влияния участников.

— Они разрешали?

— Этот накопитель — да. Сегодняшние данные не трогают.

— Тогда почему не начали с него?

— Потому что устойчивость проверяется переходом. Нам важно увидеть, удержите ли вы различие между человеком, который ещё может ответить, и следом, который уже не отвечает.

На 01:34 в безымянном следе проступили знакомые стягивание живота, задержка вдоха, готовность заслонить экран ладонью.

Так Лев реагировал, когда мать просила показать школьные уведомления.

Страх, которому нужно закрыть доступ раньше, чем прозвучит вопрос.

Это не мог быть он: накопитель запечатали до её прихо-

да, Льва не было среди источников. Но тело узнало раньше рассудка.

— Откуда этот след?

— Сейчас это не имеет значения, — сказал Марен. — После сеанса покажем паспорт согласия.

— В нём будет имя?

— Нет. Возрастная группа, условия записи, разрешённые цели.

00:49.

— Подготовить остаточную калибровку? — спросил Сава.

На панели появилась отдельная кнопка. Продолжение не нарушало разрешения владельца учебного следа. Марен не предлагал тайно использовать сегодняшних участников. Формально всё было чисто.

Но Яна уже перестала слышать безымянную форму как безымянную. Она назначила ей Льва. Ещё три минуты не доказали бы ничего, только сделали бы сходство убедительнее.

00:21.

— Нет, — сказала она. — Завершаем вместе со сроком.

— Причина? — спросила Мира.

— Я перестала различать данные и догадку об источнике.

— Для этого и нужна калибровка, — возразил Марен.

— Калибровка следа не даст ему ответить, ошиблась ли я. Таймер обнулится.

Три линии исчезли разом. Сава снял питание с кольца, но четвёртое ощущение осталось: живот всё ещё был стянут,

вдох хотелось прятать. Яна отпустила поручни и увидела белые следы от собственных пальцев.

— Сеанс закрыт, — сказала Мира. — Исходные данные участников помещены в очистку. Сохранить вашу карту реакций?

— Что именно в ней будет?

— Пульс, дыхание, движения и ваши отметки времени. Без принятых линий.

— Сохранить. Только для сравнения в рамках моей оценки. Срок?

— Тридцать дней или до вашего отзыва.

Яна выбрала семь.

Из соседних комнат вышли женщина, парень и пожилой мужчина с тростью. Третья линия принадлежала ему.

— Можно спросить? — обратилась она к нему. — Во второй половине задания вы хотели остановиться?

— Нет. Я хотел встать, — ответил он. — Там просили посмотреть запись с высокой лестницы. Сидя мне было хуже. А потом пришёл вопрос, и я решил досмотреть.

Не страх увидеть. Не желание исчезнуть. Тело готовилось изменить положение.

— Спасибо, — сказала Яна.

Первая участница ловила на экране пластиковую чашку. Второй сердился не на головоломку, а на сорванный винт. Янины версии касались сигнала и промахивались мимо причины.

Когда участники ушли, Мира вывела результаты. Яна ожидала увидеть красные ошибки. Вместо этого рядом с её именем стояла тонкая синяя полоса, почти вдвое длиннее средней.

— Что это?

— Разделимость, — сказала Мира. — Вы трижды заметили смену сигнала раньше интерфейса и не смешали линии между собой. После перепроверки третьего участника ваша собственная реакция снизилась, а принятая осталась прежней. Редкий результат для первого сеанса.

— Я неправильно истолковала все три.

— Поэтому показатель точности смысла у вас обычный, — ответила Мира. — Устойчивость — не безошибочность. Это способность заметить, где заканчивается одно и начинается другое.

Марен распечатал короткий допуск и положил перед Яной.

— Первичная оценка пройдена. Если согласитесь, войдёте в пилот как основной кандидат.

— Потому что вовремя остановилась?

— Потому что могли продолжить и не стали делать вид, будто узнавание даёт вам источник. Большинство либо пугается усиления, либо влюбляется в первую правдоподобную версию.

На пульте закончилась очистка. Все три сегодняшние линии получили серую отметку. Рядом осталась карточка учеб-

ного следа.

Яна открыла его паспорт. Запись сделана одиннадцать месяцев назад. Возрастная группа: шестнадцать — восемнадцать. Условия: ожидание дисциплинарного разговора. Разрешение: обучение операторов, обезличенное сравнение, срок два года.

Льву было семнадцать.

Совпадение ничего не доказывало. Она только что трижды ошиблась в причине убедительного сигнала.

И всё-таки ладонь легла на браслет, закрывая экран — точно так же, как Лев закрывал школьные уведомления.

— Я хочу увидеть журнал происхождения, — сказала Яна.

— У оператора нет доступа к личности носителя, — ответил Марен. — В этом смысл обезличивания.

— А у кого есть?

— У хранителя согласий. По запросу аудита, не из любопытства.

Он не упрекнул её, и от этого вопрос прозвучал хуже.

Яна убрала руку.

— Тогда записывайте: сходство с известной мне реакцией. Источник не установлен. Проверки личности не было.

Мира добавила пометку дословно.

Допуск к пилоту ждал подписи. Яна перечитала срок своей карты — семь дней — и только после этого приложила палец.

В коридоре Лев написал: «Сегодня поздно. Не жди к ужи-

ну».

Она набрала: «Ты когда-нибудь участвовал в тестах Со-звучия?»

Курсор мигал после вопросительного знака. Обещание касалось подключения браслета, не разговора. Спросить было можно. Но если Лев ответит «нет», тревога не исчезнет; если «да» — она потребует подробностей, к которым он, возможно, не готов.

Яна стёрла строку и написала: «Хорошо. Оставляю тебе еду».

Ответ пришёл сразу: «Не надо».

Она вышла на утреннюю набережную. Город только включал переговорные контуры: над остановками загорались знаки добровольной передачи, в витринах появлялись спокойные цветковые полосы. Теперь Яна знала, что за каждой полосой оставался остаток, а за остатком — человек, которого отсутствие имени не делало ничьим.

В кармане лежал допуск основного кандидата. В памяти — чужой рисунок страха, которому её тело уже присвоило имя.

Ошибка узнавания

За восемь минут до начала допуска Яна сидела в комнате разбора. На стене светлела схема вчерашнего сеанса: три серые линии и её отметки. У точки 01:34 стояло: «сходство с известной реакцией; источник не установлен».

За ночь сходство не стало доказательством.

Яна раскрыла паспорт следа: возрастная группа, условия записи, цели, срок хранения. Происхождение закрывал значок хранителя согласий. Имя испортило бы проверку.

Вошла Мира Таль и посмотрела на экран.

— Ты пришла выяснить, чей это след, или доказать, что уже знаешь?

— Выяснить происхождение рисунка.

— Это разные ответы.

— Тогда первый.

Мира подвинула к ней кружку. Вода пахла сушёной мятой, но Яна не притронулась.

— Вчера ты правильно остановилась, — сказала Мира. — Сегодня можешь испортить это правильное решение одним хорошим объяснением.

— Если запись попала сюда с нарушением, остановка ничего не исправляет.

— А если нарушения не было?

— Тогда я хочу это увидеть.

— Можно только проверить цепочку и не найти разрыва.

Яна открыла форму аудиторского запроса. Система требовала основание. Она написала: «необычно высокая субъективная узнаваемость обезличенного учебного следа». Удалила слово «необычно». Оставила: «проверка происхождения и допустимости использования учебного следа после расхождения сигнала и толкования».

— Уже лучше, — сказала Мира. — Здесь нет человека, которого ты заранее назначила источником.

Яна нажала «отправить». Запрос ушёл хранителю согласий без имени предполагаемого носителя.

Сава Орс появился ровно в семь тридцать. Он сутулился над планшетом и носил старый браслет без проекционного слоя.

— Основной кандидат, — сказал он вместо приветствия. — И первый же запрос на происхождение.

— Это считается дорогим признаком. Потратим время, чтобы узнать, что люди похожи на людей.

Он вывел на стену несколько сотен тонких линий.

— Задержка вдоха, напряжение живота, движение кисти к полю зрения. Вы вчера собрали из них страх перед раскрытием личной переписки.

— Не собрала. Предположила.

— После того как узнали рисунок.

— Да.

— Значит, собрали. Только подписали коробку «предпо-

ложение».

Сава разделил моток на группы. Двадцать семь линий остались синими.

— За год такой рисунок встречался у ста восьмидесяти трёх добровольцев: перед неприятным разговором, высотой, просьбой показать снимок, внезапным звуком. Тело не изображает отдельный жест для каждой причины.

— А сочетание времени и силы?

— Сужает выборку. Не превращает сходство в подпись.

Сава добавил вчерашний порог усиления. Осталось четыре записи.

— Среди них есть исходный учебный след?

— Конечно. Но я не покажу какой.

На четырёх безымянных карточках повторялась последовательность: живот, вдох, рука. Один ритм, сыгранный на разных телах.

— Можно проверить связь с конкретным человеком, не раскрывая его имя?

Мира поставила кружку.

— Вот теперь ты снова назначила человека.

— Я не назову его вам.

— Но будешь знать сама. Этого достаточно, чтобы изменить отбор признаков.

— Поэтому нужна слепая проверка.

Сава перестал листать данные.

— Какая именно?

Взгляд Яны тянулся ко второй карточке. Она отвернулась.

— Я опишу проверяемые признаки, не называя человека и похожий след. Вы добавите контрольные описания и отдадите другому оператору. Потом человек отдельно подтвердит или опровергнет признаки, если согласится.

— Носитель описания? — переспросила Мира.

— Человек, о котором я думаю.

— А если он не согласится?

— Тогда связи нет. Не в смысле «она опровергнута», а в смысле «мы не имеем права её устанавливать».

Сава медленно кивнул.

— Методически чисто. Практически долго, — сказал Сава.

Дверь открылась, и вошёл Марен Вольт. Он, видимо, слышал последние слова из коридора.

— Цена уже замечена, — сказал он. — Вопрос в том, кто её оплатит.

Яна показала запрос.

— Я прошу использовать мою сохранённую карту реакций и время стажёра. Другого оператора выберет Мира. Человек, которого я подозреваю, получит только нейтральный запрос на подтверждение признаков. Без сообщения о следе.

— Подозреваете в чём?

— Ни в чём. Проверяю возможное происхождение записи.

— Хорошая поправка.

Марен прочитал основание аудита. Ответ хранителя ещё не пришёл.

— До разрешения мы можем проверить только интерфейсную часть, — сказал он. — Сава, соберите контроль. Мира, уберите из набора все Янины толкования. Яна, опишите признаки так, чтобы их можно было опровергнуть.

Она села за пустую форму.

«При ожидании неприятного вопроса задерживает вдох» — слишком широко.

«Закрывает рукой экран» — это могло быть привычкой.

«Сначала напрягает живот, затем задерживает вдох, после чего перемещает правую ладонь к нижней части поля зрения» — наблюдаемо, но лишено причины.

Яна добавила временные интервалы, потом убрала точность до сотых секунды. В домашней жизни никто не измерял Льва датчиками. Слишком точное описание лишь делало бы её память похожей на запись.

Она составила пять признаков и два отрицательных: Лев обычно не отводил голову и не сжимал левую кисть. Закрывает форму и передала Мире.

— Теперь выйди, — сказала та.

— Зачем?

— Чтобы не увидеть контрольные описания. Слепая проверка не становится слепой от одного названия.

В коридоре пришёл ответ хранителя: проверка цепочки займёт до конца дня, личность носителя не раскроют. Сов-

падение с анонимным кодом можно проверить лишь при отдельном согласии человека.

Она открыла переписку со Львом. Последним оставалось его «Не надо» о еде.

Прямой вопрос не нарушал обещания не подключать браслет, но превращал отказ Льва от разговора в препятствие, которое она хотела обойти формулировкой.

Яна написала иначе: «Мне нужно проверить одну рабочую ошибку. Я могу прислать семь наблюдаемых привычек без объяснения причины. Ты можешь ответить на каждую “похоже”, “не похоже” или “не хочу отвечать”. Это не подключение и не доступ к браслету. Согласен?»

Ответа не было.

Она поставила срок запроса — два часа. Не потому, что после двух часов молчание меняло смысл, а потому, что её проверка не должна была висеть над ним весь день.

На стекле переговорной загорелась зелёная черта. Мира позвала её внутрь.

На стене были шесть описаний: Янино и пять контрольных. Независимому оператору передали их вместе с исходным следом, не объясняя цели.

— Мы не будем ждать его ответа без дела, — сказал Сава. — Покажу, что именно вы вчера увидели.

Он открыл копию интерфейса. В точке 01:34 система показывала одну толстую линию кораллового цвета: «защитное избегание», уверенность восемьдесят один процент.

— Я не видела подписи, — сказала Яна.

— Но видела форму. Цвет и толщина уже были толкованием. Даже если текст скрыт.

Сава нажал неприметный серый угол карточки. Толстая линия рассыпалась на четыре тонкие.

«Подготовка изменить положение — 81».

«Защита поля зрения — 74».

«Подавление ответа — 68».

«Компенсация потери равновесия — 52».

— Почему первая уверенность выше, если это не причина? — спросила Яна.

— Потому что модель лучше всего узнаёт сочетание датчиков, которое обучена так называть. Восемьдесят один процент означает: наблюдаемые данные хорошо совпали с классом. Не означает: человек с вероятностью восемьдесят один процент хотел защититься.

— Тогда слово «уверенность» неверно.

— Удобно, — сказал Марен.

— Удобство не делает его верным.

— Делает быстрым. На терминале у оператора иногда семь секунд, чтобы решить, снижать ли чувствительность контура. Четыре равноправные версии за семь секунд могут быть опаснее одной несовершенной.

— А скрывать три версии безопасно?

— Иногда.

— Вчера толстая линия могла назвать молчание отказом,

— сказала Яна. — Сомнение должно быть частью интерфейса, а не редкой добродетелью оператора.

Мира подняла ладонь.

— Вы спорите о следующей версии системы. Сейчас вопрос уже меньше: создала ли Яна связь со Львом из-за скрытой альтернативы?

— Создала, — сказал Сава. — Это видно без проверки личности. Она выбрала «защиту поля зрения», хотя выше стояла «подготовка изменить положение».

Яна почувствовала жар в ушах.

— Я не видела список.

— Именно. Но скрытый список не вложил в тебя имя брата. Это сделала ты.

Фраза была точной, и потому унижительной. Интерфейс направил её, совпали возраст и давность — но догадка не стала знанием.

На стене мигнуло сообщение от независимого оператора.

Набор Яны занял четвёртое место из шести: два совпадения из пяти встречались и в контрольных наборах; один отрицательный признак противоречил записи.

Сава вывел подробности. Никакой связи с выбранным Яной человеком тест не подтверждал.

— Четвёртое, — повторила она.

— Не последнее, — сказала Мира. — Если тебе хочется утешиться.

— Не хочется.

На браслете появился ответ Льва.

«Согласен. Только без вопроса зачем».

Яна отправила семь пунктов. Он ответил быстро: «похоже» на два, «не похоже» на три, «не хочу отвечать» на два. На последовательность, которая вчера показалась ей безошибочной, пришло «не похоже».

Она показала ответы Мире, не имя. Мира приложила к ним временную печать и закрыла проверку.

— Связь опровергнута? — спросил Марен.

Яна посмотрела на формулировку итога.

— Нет. Наша гипотеза не выдержала двух независимых сравнений. Это сильное основание не считать след его записью. Но личность исходного носителя мы не устанавливали.

— Принимается.

Сначала пришло облегчение: Лев не лежал в учебном архиве под серой меткой. Затем оно стало неприятным. Всё утро Яна защищала не брата, а собственную уверенность, что узнала его.

Хранитель подтвердил цепочку: запись получили в школьной мастерской при добровольной настройке; участник и законный представитель разрешили обезличенное учебное использование на два года. Личность осталась закрыта.

— Значит, всё чисто, — сказал Сава.

— Цепочка чистая, — поправила Яна. — Интерфейс всё равно скрыл три версии.

— Он их не удалил.

— Для оператора, который не знает про серый угол, разницы нет.

Сава хотел ответить, но Марен остановил его взглядом.

— Проверка четырёх версий заняла бы одиннадцать секунд вместо четырёх, — сказал Сава.

— Иногда семь секунд стоят сломанного пальца, — сказал Марен.

— А быстрая версия иногда стоит чужого согласия.

— Поэтому придётся выбирать, когда платить каждой ценой.

Он коснулся панели и открыл новый протокол. Заголовок был коротким: «Параллельный хор». Ниже шло предупреждение: режим не ранжирует толкования и передаёт оператору несколько несовместимых телесных построений одновременно. Продолжительность первого сеанса — девяносто секунд. Досрочное прекращение доступно оператору и наблюдателю. После сеанса запрещены решения о носителях сигналов до отдельного опроса.

— Это исправляет интерфейс? — спросила Яна.

— Нет. Это показывает цену исправления.

Мира пролистала противопоказания режима и поморщилась.

— Для основного кандидата рано.

— Для человека, который только что увидел собственную ошибку, вовремя, — сказал Марен.

— Вы знали, что список скрыт, и не предупредили.

— Предупреждение стало бы готовым ответом. Да, это манипуляция в рамках подписанной оценки. Можешь отказаться, допуск сохранится.

Яна перечитала протокол: девяносто секунд, действующие соглашения, никаких решений до опроса, право остановки у неё и Миры.

— Я хочу добавить условие, — сказала она. — После сеанса система не показывает верхнюю версию, пока я не запишу все различимые варианты своими словами.

Сава покачал головой.

— Это удвоит разбор.

— В этом и смысл. Иначе я снова выберу знакомое, а потом назову его самым сильным.

Мира внесла условие в протокол.

— Ещё?

Яна подумала о Льве, который согласился ответить только без вопроса «зачем». Его два «не хочу» были не пустыми клетками, а полными ответами о границе.

— Молчание по каждому варианту не считается подтверждением другого.

— В режиме нет ответов носителя, — заметил Сава.

— После режима будут опросы. Запишите сейчас.

Мира добавила второе условие.

Марен развернул панель к Яне. Кнопки «согласиться» и «отказаться» были одинакового размера. Под ними стоял

срок: предложение действительно до 18:00.

— Не обязательно решать немедленно, — сказал он.

Вчера Яна приняла бы отсрочку за проверку её смелости. Сегодня она увидела другую возможность: Марен действительно оставлял ей время, но одновременно знал, что любопытство будет давить сильнее приказа.

— Сначала я хочу получить окончательный ответ хранителя и закрыть аудит следа.

— Разумно.

— А потом испытать параллельный хор.

Марен выключил предложение, не отменяя его.

На стене четыре тонкие линии всё ещё расходились от одной точки. Ни одна не была ложью. Ложью становилась только уверенность, будто одна из них уже выбрала себя сама.

Глава 4. Первый хор

В комнате стояли кресла и белела риска. Время отсчитывал контур.

Она считала вдохи, пока Мира закрепляла проводящий обод. Холод металла лёг поверх старого гладкого кольца. Сегодня оно значило только одно — собственную руку.

— Назови право остановки, — сказала Мира.

— Моё и твоё. Жест — два удара пальцами. Голосовая команда — «разделить».

— Что произойдёт после команды?

— Усиление погаснет, запись толкований останется. Никто не принимает решений о трёх участниках до отдельного опроса.

— И до того, как основной кандидат запишет версии своими словами, — добавил Сава у панели.

За стеклом трое сотрудников разыгрывали переговоры о закрытии оранжереи. Один защищал доступ посетителей, другой требовал эвакуации, третий мог раскрыть условие лишь в ответ на прямой вопрос. Каждый мог прекратить передачу независимо.

— Три источника, — сказал Сава. — Никакого общего сюжета. Не ищите правильную позицию.

— А что искать?

— Различие. Другой задачи не будет.

Мира проверила крепление и наклонилась к Яне.

— Если станет плохо, не доказывай нам устойчивость.

Марен наблюдал из соседней кабины и не мог отключить контур со своего места — это Яна проверила первой.

Сава включил предварительный слой.

Женщина слева положила ладони на стол, мужчина в центре откинулся к спинке, девушка справа поправила воротник. Контур придал обычным движениям вес.

В животе возникла пустота, как перед отсутствующей ступенью. Следом пришли жар под языком и желание отдёргнуть левую руку.

Три ряда тонких знаков раскрылись веером.

— Предварительный слой, — напомнил Сава. — Назовите источник, не смысл.

Яна коснулась кольца.

— Пустота в животе: не знаю. Жар: не знаю. Отдёргнуть руку: возможно, справа.

— Почему справа?

— Движение воротника совпало по времени.

— Это наблюдение, — сказала Мира. — Не источник.

Яна исправилась:

— Я связала реакцию с видимым движением справа. Источник не установлен.

Усиление поднялось на одну ступень. Пустота направилась к двери за спиной. Жар превратился в почти произнесённое возражение. Левая рука напряглась, словно удержи-

вала чужую ладонь над красной кнопкой.

И одновременно каждый сигнал раскололся.

Дверь могла быть выходом, угрозой или местом встречи. Жар — гневом, стыдом, сухостью во рту или ожиданием, что сейчас перебьют. Ладонь над кнопкой — спасением, принуждением или всего лишь усталой кистью.

— Первый... источник не знаю. Версии: сохранить выход, закрыть выход, ждать кого-то. Второй: возражение, стыд, телесная сухость. Третий... остановить действие или заставить действовать.

— Вы смешали сигнал и толкование, — сказал Сава.

— Я знаю.

— Если знаете, разделите.

Его спокойствие стало ещё одним давлением. Яна ощутила раздражение и сразу потеряла уверенность, её ли оно.

— Моё раздражение на Саву, — сказала Яна.

— Откуда уверенность? — спросил он.

— Возникло после твоей команды.

— Последовательность не доказывает авторство.

— Тогда: раздражение возникло после слов Савы. Помечаю как своё, пока не проверено.

Тридцать секунд.

Контур перешёл в полный режим.

Мир не стал громче. Он стал теснее.

В Яниной груди одновременно не хватало воздуха и было слишком много места. Плечи готовились принять удар, спи-

на требовала встать. В затылке жило тихое ожидание вопроса и потому казалось самым правдивым.

Вот скрытое условие, подумала Яна. Если назвать его сейчас, она выполнит задачу быстрее прежних кандидатов.

Кольцо под пальцем было холодным.

«Самым тихим» не означало «самым правдивым». Это означало только, что остальные ощущения давили сильнее.

— Есть ожидание вопроса, — сказала она. — Источник не установлен. Версии: человек скрывает условие; человек не понимает задачу; человек ждёт очереди говорить; это моя память об инструкции.

— Вы знаете, что один участник скрывает условие, — сказал Сава. — Последняя версия обязательна.

— Она не последняя. Она рядом с остальными.

— Не веди с ней методический спор в полном усилении.

— Она должна различать под нагрузкой.

— А не отражать твои вопросы.

Их голоса разошлись по Яне физически: слова Савы толкали вперёд, голос Миры удерживал. Они не передавали сигнал через контур, но тело Яны уже превращало любую речь в направление.

— Не говорите, — попросила она.

Сава нахмурился.

— Нам нужна словесная маркировка.

— Мне нужна тишина между метками.

— Формат требует непрерывного отчёта.

— Тогда вы добавляете себя поверх трёх линий.

Мира выключила микрофон наблюдателей. За стеклом переговоров женщина слева что-то сказала. Яна не слышала слов: звуковой канал участников был закрыт, чтобы содержание речи не подменяло телесные данные. Мужчина в центре резко подался вперёд. Девушка справа опустила руки под стол.

В груди Яны вспыхнуло торжество — наконец-то действие. Следом по коже прошёл холод от неизбежной ошибки. В коленях появилась готовность бежать.

Она сосчитала вдохи: один — собственный воздух, два — холод кольца, три — три человека за стеклом.

— Линия «торжество»: возможно, реакция на изменение переговоров; возможно, облегчение; возможно, моё удовольствие от различимости. Линия «холод»: ожидание потери, страх разоблачения, обычная реакция тела на усиление. Линия «бежать»: покинуть комнату, приблизиться к двери, прервать чужое действие.

На панели знаки дрогнули. Система пыталась упорядочить версии по согласованности и каждый раз возвращала их на один уровень: условие Яны запрещало показывать верхнюю до её записи.

— Источники, — напомнила она сама себе.

Она посмотрела не на лица, а на три индикатора согласия. Левый горел ровно. Центральный мигнул, когда мужчина коснулся обода на запястье. Правый оставался зелёным.

— Холод усилился одновременно с изменением центрального канала. Не называю это источником. Прошу отметить время.

Мира записала метку.

Пятьдесят восемь секунд.

Яна поняла, почему прежний интерфейс показывал одну толстую линию. Несовместимые версии не стояли рядом, как пункты списка: каждая требовала, чтобы мышцы на мгновение поверили ей.

Ноги одновременно готовились бежать к двери и упираться в пол. Три решения спорили за одни сухожилия.

— Снизить? — спросила Мира, включив только свой канал.

Яна дважды ударила пальцами по кольцу — и замерла. Это был жест остановки. Она не собиралась его делать.

Мира уже положила ладонь на аварийную риску.

— Не отключай. Это не команда. Я держалась за якорь.

— Жест был оговорён.

— Тогда мы выбрали плохой якорь.

— Я обязана принять его буквально.

Яну захлестнуло возмущение, а следом — облегчение. Мира не пыталась угадать её «настоящее желание». Два удара означали прекращение, даже если Яна находила им другое объяснение.

— Отключай, — сказала она.

На таймере было шестьдесят четыре.

Мира провела по белой риске. Три канала погасли, но готовность бежать осталась в коленях. Холод ушёл с кожи внутрь, под рёбра. Ожидание вопроса не исчезло вовсе.

— Сеанс прекращён оператором, — объявил Сава. — Жест подтверждён голосом. Шестьдесят четыре целых две десятых.

— Не оператором, — возразила Яна. — Наблюдателем после оговорённого жеста.

— Вы подтвердили.

— После того как поняла, что правило важнее моего объяснения.

Мира сняла обод с её запястья.

— Это различие внесём в протокол. Сначала посиди.

— Я могу продолжить.

— Сеанс закончен.

— Я могу закончить разбор.

— Разбор — да.

Сава вывел пустую таблицу из трёх столбцов. Имена участников по-прежнему были скрыты.

— Записывайте все версии. Потом система покажет ранжирование, затем получим ответы участников.

Яна занесла девять толкований, указав сигнал, возможный источник и собственную добавку. Большинство граф источника остались пустыми.

— Практическая ценность где? — спросил он. — На переговорах нельзя выдать девять версий и пустые источники.

— Практическая ценность в том, что мы не выдадим одну версию за человека.

— Тогда зачем усиление? Без него тоже можно сомневаться.

— Без него я не различила бы ожидание вопроса.

— Но не знаете, чьё оно. Переговоры уже закончились бы.

— А ты хочешь, чтобы система ответила до вопроса участникам.

— Я хочу, чтобы она помогала вовремя. Иногда за дверью нельзя ждать красивой процедуры.

— Тогда показывайте рядом цену ожидания.

— Это будет ещё одна версия и ещё одна колонка.

— Лучше увидеть, где тонет оператор.

Мира поставила перед Яной воду.

— Вы оба спорите так, будто режим обязан быть либо быстрым, либо честным. Сегодня мы проверяли другое: может ли один оператор удержать три линии и не принять верхнюю за смысл.

— Не может, — сказал Сава. — Сеанс прерван.

— Может шестьдесят четыре секунды, — сказала Яна.

— Случайным жестом.

— Значит, следующий протокол разведёт якорь и оставку.

Марен вошёл после закрытия таблицы.

Сава открыл системное ранжирование. Для пустоты в животе верхней оказалась угроза закрытия выхода, для жара —

подготовка возразить, для напряжения руки — намерение прервать действие. Ни одна верхняя версия не совпала со всеми Яниными первыми формулировками.

Затем участники по очереди дали объяснения, не видя таблицы оператора.

Женщина слева боялась не закрытия оранжереи, а того, что её вынудят лично объявить решение сотрудникам. Мужчина в центре готовился остановить переговоры, если не получит данные о составе воздуха. Девушка справа ждала прямого вопроса о неисправном датчике влажности: по условию задания она не могла сообщить о нём сама.

Ожидание вопроса действительно принадлежало ей. Но холод, который Яна считала возможным страхом разоблачения, совпал по времени с центральным каналом: мужчина коснулся обода, потому что испугался начинающейся мигрени, и сохранил согласие ещё на несколько секунд.

— Один точный результат, — сказал Сава. — И один ошибочный источник.

— Не точный, — поправила Яна. — Полезная гипотеза, подтверждённая ответом участницы.

Марен улыбнулся едва заметно.

— Выучили формулировку.

— Почувствовала разницу.

Это прозвучало самодовольно, и Яна хотела исправиться. Но в этот момент в затылке снова возникло тихое ожидание вопроса.

Девушка за стеклом уже встала и разговаривала с Мирой. Её канал был отключён. Никаких данных контур больше не передавал.

— Запись точно остановлена? — спросила Яна.

— В шестьдесят четыре и две десятых. Все буферы закрыты.

— Тогда почему я всё ещё чувствую третью линию?

Он перестал постукивать ногтем.

Мира попросила Яну описать ощущение, не глядя на участницу. Ожидание сидело под затылком, тянуло подбородок вверх и превращало любой вопрос в почти наступившее облегчение.

— Интенсивность? — спросила Мира.

— Три из десяти. Во время сеанса было шесть.

Девушка за стеклом надела куртку. Ощущение не изменилось.

— Значит, это не текущая передача, — сказал Сава.

— Я и не говорю, что текущая. Оно осталось у меня.

Он открыл граф восстановления. На нём одна из линий не обрывалась вместе с каналом, а медленно сходила к нулю.

— Послесигнальная инерция, — сказал он. — Обычная после усиления.

— В памятке написано: до сорока секунд.

Прошло больше четырёх минут.

Сава увеличил граф.

— Чем больше внимания оператор удерживает на резуль-

тате, тем дольше может сохраняться телесная схема.

— Почему это не в противопоказаниях?

— Потому что схема не чужая. Контур уже выключен. Ваше тело повторяет полезный рисунок.

— Полезный для кого?

— Вы нашли скрытое условие.

— И поэтому не могу перестать ждать вопроса, которого мне никто не задаёт.

Марен прочитал граф до конца.

— Назовём это эхом, пока не выясним механизм. Следующий сеанс откладывается до полного исчезновения.

— Если исчезнет, — сказала Мира.

Сава недовольно посмотрел на неё.

— Оно всегда исчезает.

— Тогда измерим, а не поверим слову «всегда».

Яна встала. Восторг от трёх одновременных миров сжался до мысли: её тело научилось чужому ожиданию быстрее, чем отпускать его.

У шлюза учебного сектора собралась очередь. Ученические группы проходили проверку браслетов перед выходом на улицу. Яна остановилась подальше от людей, чтобы не принять обычное послесвечение за новый сигнал.

Впереди девочка лет пятнадцати протянула контролёру запястье. Браслет мигнул зелёным. Контролёр махнул ей к выходу.

Девочка не пошла.

Она улыбалась подруге, отвечала на шутку и держала плечи свободно. Только большой палец раз за разом надавливал на край ногтя, а вдох каждый раз обрывался перед открытием створок.

В затылке Яны чужое ожидание внезапно сменилось узкой, ледяной паникой.

Никакого контура рядом не было.

Яна коснулась кольца один раз и заставила себя не назначать причину.

Источник не установлен. Версия не человек. Молчание не ответ.

Потом она подошла не к девочке, а к контролёру и спросила:

— У шлюза можно остановиться без объяснения причины?

Глава 5. Полезное вторжение

Контролёр посмотрел на Яну с недоверием.

— Можно, если не перекрывать створки. Отойдите за синюю линию.

— Не мне. Ей.

Девочка уже шагнула вслед за подругой, но створки раскрылись перед ней и тут же замерли. Большой палец снова вдавился в край ногтя. Ледяная паника, которую Яна почувствовала мгновение назад, распалась на более простые признаки: короткий вдох, взгляд назад, напряжённая шея. Эха после сеанса было достаточно, чтобы связать их в готовый ответ. Именно поэтому ответу нельзя было верить.

— Ты проходишь или нет? — спросил контролёр.

Подруга обернулась с уличной стороны.

— Тая, ну же. Мы опоздаем.

— Сейчас.

Девочка явно не хотела заставлять остальных ждать.

— Не торопите её, — сказала она.

— Поток задерживать нельзя. Следующий браслет.

За спиной недовольно загудели ученики. На табло до перевода створок на обратный поток оставалось две минуты сорок секунд.

Яна подошла к синей линии, не пересекая её.

— Тая, я не знаю, чего ты испугалась. И ты не обязана мне

объяснять. Но я могу задать один вопрос, на который можно ответить «да», «нет» или вообще не отвечать?

— Я не испугалась.

— Хорошо. Тогда я не буду так это называть.

Тая посмотрела на неё впервые. Взгляд был сердитым, и Яна испытала почти облегчение: сердитый человек мог поправить её вслух.

— Что за вопрос?

Яна оглядела поток. Большинство выходили парами. У Таи была подруга впереди, но взгляд девочки всё время возвращался не к ней, а в глубину учебного сектора. На запястье висели два пропуска, её собственный и маленький жёлтый гостевой. Это мог быть старый брелок. Мог быть чужой браслет. Могло ничего не значить.

— Ты пришла сюда с кем-то, кто ещё не вышел?

Тая перестала давить на ноготь.

— С братом.

Слова прозвучали спокойно. Тело — нет, подумала Яна и сразу отвергла формулировку. Она не имела доступа к телу Таи, кроме того, что мог увидеть любой.

— Где он должен быть?

— С группой младших. Они прошли раньше.

— Ты видела, как он прошёл створки?

— Нет. Воспитательница сказала, что они уже снаружи.

Подруга Таи вернулась к прозрачной перегородке и подняла браслет к переговорной пластине.

— Их нет во дворе. Я только что посмотрела.

Контролёр убрал руку от следующего считывателя.

— Имя и возраст.

— Ник Ро, восемь. Он в серой куртке. У него жёлтый гостевой.

— Родство?

— Брат.

Контролёр провёл пальцем по боковой панели. На схеме замигали четыре жёлтые точки. Три находились за внешним турникетом, четвёртая — у служебного ответвления, где серые линии стен сходились в узкий клин.

— Гостевой браслет в техническом проходе, — сказал он.

— Возможно, оставлен.

— Ник ничего не оставляет, — быстро сказала Тая. — Он боится потерять пропуск.

— Оставайтесь здесь.

Контролёр вызвал дежурного и закрыл основной поток. Ученики за синей линией заговорили громче. Кто-то поднял браслет, снимая происходящее. Яна заметила объектив, но не придала ему значения: на стенах шлюза и без того работали служебные камеры.

— Проход закрывается через минуту пятьдесят, — сообщил голос панели.

Тая схватилась за край стойки.

— Он не нажмёт незнакомую кнопку. Ему запрещали трогать оборудование.

Контролёр снова вызвал дежурного. Ответа не было. На схеме четвёртая точка исчезла.

— Браслет потерял сигнал, — сказал он.

— Что ведёт в проход? — спросила она.

— Служебная дверь за рамкой три. Но вам туда нельзя.

— Я и не пойду. Кто может открыть?

Контролёр приложил ладонь к красной зоне доступа. Панель потребовала второй допуск.

— Дежурный сектора.

— Который не отвечает.

— Или оператор учебного контура при подтверждённой угрозе.

Яна поднесла временный браслет кандидата к считывателю.

— Недостаточно, — сказал контролёр.

— Запросите подтверждение угрозы по пропавшему гостевому сигналу.

— Потеря связи обычна за экраном.

Контролёр посмотрел на Таю.

— Вы уверены, что брат не с группой?

— Я не знаю. Поэтому и стою здесь.

В этой фразе было больше точности, чем во всех линиях «Параллельного хора».

Яна открыла рабочий канал Миры. Вызов прошёл не сразу.

— Яна? Ты должна быть в восстановительной комнате.

— У шлюза потерялся ребёнок. Гостевой сигнал был в техническом проходе и исчез. Для двери нужен второй допуск.

— Вызвали охрану?

— Дежурный не отвечает. Проход закрывается через минуту.

— Номер створки.

— Учебный шлюз, рамка три.

На панели вспыхнуло удалённое подтверждение Миры: «риск изоляции несовершеннолетнего». Служебная дверь отъехала на ширину плеч.

— Я иду, — сказала Тая.

— Нет.

— Он от вас спрячется.

Контролёр колебался. До перестройки оставалось сорок восемь секунд.

— Пусть зовёт отсюда, — сказала Яна. — Дверь держим открытой.

Контролёр вошёл в проход и скрылся за серой панелью. Тая наклонилась к проёму:

— Ник! Это я. Ты ничего не сломал. Ответь мне!

Сначала слышался только низкий рокот механизма. Потом из-за стены донёсся один удар.

— Он там, — сказала Тая.

— Это мог быть привод, — ответил контролёр.

— Ник всегда стучит один раз, когда боится говорить.

Отсчёт дошёл до тридцати. Дверь дрогнула, но Яна удержала ладонь на разрешающей пластине. Панель внесла ручную задержку в журнал.

На двадцати двух секундах контролёр показался снова. Он вёл за руку мальчика в серой куртке. Ник ступал боком, чтобы не задевать стены, и прижимал к груди пластиковую фигурку катера. Жёлтый браслет был на запястье, но его экран потемнел.

Тая не бросилась к нему. Она присела у синей линии и дождалась, пока брат сам подойдёт.

— Я увидел кораблик, — сказал Ник. — Там дверь была открыта.

— Вижу.

— Я не трогал кнопку.

— Вижу.

— Ты сердишься?

Тая закрыла глаза на секунду.

— Я очень рада, что ты нашёлся. Остальное потом.

Ник кивнул и только тогда позволил ей обнять себя. Яна отвернулась к панели. Чужая радость, страх и облегчение могли бы сложиться в красивый хор, но сейчас никакого контура не было. Были люди, говорившие сами.

Мира прибежала, когда проход уже заблокировали для проверки. За ней шёл Сава с переносным регистратором. Он увидел Ника, Таю и мигающую отметку ручной задержки.

— Что произошло?

Контролёр начал диктовать журнал: сообщение сопровождающего, проверка группы, потерянная точка браслета, удалённый допуск, обнаружение ребёнка. Яна слушала, пока не услышала фразу:

— Кандидат оператора по эмоциональному отклику выявила тревогу сопровождающего.

— Нет, — сказала она. — Я увидела признаки и задала вопрос.

— Результат один.

— Действия разные.

— Для журнала нужно основание проверки.

— Основанием стал второй гостевой браслет и отсутствие ребёнка в группе. До ответа Таи у нас не было подтверждённой угрозы.

Сава перевёл взгляд на серое кольцо у неё на пальце.

— Усилитель был выключен?

— Контур — да. Эхо оставалось.

— Значит, сигнал сохранился.

— Или я заметила, куда она смотрит.

— Ты остановила поток из-за взгляда?

— Я сначала спросила, можно ли остановиться. Потом спросила про спутника. Тая могла не отвечать.

Тая поднялась.

— Если бы она сказала, что знает, чего я боюсь, я бы ушла.

Сава чуть отступил, будто новая реплика изменила геометрию разговора.

— Почему?

— Потому что она бы врала. Я не боялась. Я не знала, где Ник.

Яна не поправила её. У Таи было право назвать своё состояние точнее любого наблюдателя.

Мира открыла форму происшествия.

— Запишем последовательность: признаки, вопрос, добровольный ответ, список, метка, доступ. Эхо — состояние оператора, не доказательство состояния Таи.

Марен появился через семь минут. Он выслушал контролёра, Таю и Яну по отдельности, просмотрел схему доступа и только после этого спросил, исчезло ли эхо.

Яна прислушалась к затылку. Ледяной узел ослаб, но не пропал.

— Не полностью.

— Вы связываете его с Таей?

— Нет. Оно изменилось рядом с ней, но источника я не знаю.

— Однако благодаря ему вы остановились.

— Благодаря чему именно? Я увидела человека, который не выходит через открывшуюся дверь.

— Другие тоже видели.

— Но не спросили.

— Вот это и есть ценность оператора.

— Ценность вопроса, — сказала Яна.

Марен посмотрел на Ника, которому дежурная уже вы-

дала новый браслет. Мальчик проверял его, прикладывая к считывателю снова и снова.

— Для семьи различие сейчас невелико.

— Для следующего человека оно может быть всем.

Марен сохранил записи для разбора и отменил дневной сеанс усиления. Яна решила, что на этом происшествие закончилось.

К вечеру ролик уже назывался «Она услышала опасность».

Его снял ученик из очереди. На первых секундах Тая стояла перед раскрытыми створками. Потом Яна приближалась к синей линии, и звук обрывался: вопроса о спутнике почти не было слышно. Следующий кадр показывал схему с жёлтой точкой. Затем контролёр выводил Ника из прохода, а поверх изображения появлялась надпись: «Пилот “Созвучия” спас ребёнка до закрытия сектора».

Ролик длился тридцать одну секунду. В нём не было удалённого допуска Миры, списка группы, второго пропуска на руке Таи и её права не отвечать. Зато был крупный план серого кольца Яны.

Она смотрела запись в пустой столовой учебного корпуса. Напротив сидела Мира.

— Это не официальный канал, — сказала она.

— Подпись уже скопировал городской вестник.

— Они запросили запись камер.

— Дадим?

— Только с согласия семьи и с закрытыми лицами несовершеннолетних.

— А если семья согласится?

Мира отложила вилку.

— Тогда полная запись покажет твой вопрос.

— Но не покажет, что я могла ошибаться. Ребёнка нашли

— значит, система «услышала опасность». В следующий раз вопрос станет приказом.

— Тогда что ты хочешь?

— Чтобы официальный отчёт начинался не со слова «распознала». Сначала вопрос и ответ. Потом проверка.

— Это разумно.

— И чтобы ролик не использовали для пилота.

— Это решает Марен.

Он вошёл, словно услышал своё имя, хотя дверь столовой была закрыта. В руках у него был планшет с тем же остановленным кадром: Яна у синей линии, Тая перед створками.

— Семья разрешила публикацию обезличенной записи,

— сказал он. — Они хотят поблагодарить вас и смену.

— Пусть благодарят контролёра и Миру.

— Благодарят всех. Я не собираюсь вычёркивать их работу.

— А мою собираетесь превратить в чтение эмоций.

Марен сел рядом, оставив планшет экраном вниз.

— Городской вестник согласился заменить подпись.

«Оператор заметила тревожные признаки и инициировала

проверку».

— Тая сказала, что не называла это тревогой.

— Тогда «необычное поведение».

— Она остановилась у двери. Это не нарушение нормы.

— Яна, ребёнок был в проходе, который через двадцать секунд закрылся бы на сорок минут.

— Я помню.

— Он не воспользовался бы связью. Вы сократили время поиска. Это факт.

— Факт. Запишите его после вопроса.

Марен сцепил пальцы.

— Люди поддержат программу, если увидят пользу.

— И что вы им покажете? Что кольцо нашло мальчика?

— Что оператор заметил слабый сигнал и запустил проверку.

— В короткой подписи останется только первая половина.

— Поэтому нам нужен публичный показ полного процесса.

— Не усиленный режим, — продолжил Марен. — Добровольные участники, открытый журнал версий. Через восемь дней.

— Молодёжный форум, — сказала Мира.

— Да. Лучше показать ограничения самим, чем позволить ролику обещать невозможное.

Мира посмотрела на Яну раньше Марена.

Холод в затылке снова собрался в узел. Эхо, страх сцены

или предвкушение — все версии звучали убедительно и ничего не разрешали.

— Я не соглашалась, — сказала Яна.

— Поэтому я спрашиваю сейчас.

— Нет. Вы объявляете условия так, чтобы отказ выглядел отказом от честного показа.

Марен выдержал паузу.

— Справедливо. Тогда отдельно: я хочу назначить вас оператором публичного пилота. Вы можете отказаться без потери допуска и места в программе. Решение нужно завтра до полудня.

— А ролик?

— Официальная версия выйдет только с последовательностью действий и согласием семьи. Но сам факт спасения станет аргументом в пользу пилота. Я не буду притворяться, что это не польза.

— Польза была.

— Тогда спор у нас не о факте.

— О том, кому он даёт право на следующий шаг.

Марен кивнул.

— Именно. Поэтому следующий шаг пока ваш.

Он отправил на её браслет предложение. На экране появились дата, срок согласия, режим без усиления и право остановить демонстрацию. Ниже стояло: «Оператор публичного пилота — Яна Рей».

Яна открыла приложение и добавила условие: ни один

сигнал не публикуется без вопроса к его носителю, а молчание не считается ответом.

Потом второе: запись спасения не служит доказательством точности «Созвучия».

Система подчеркнула строку жёлтым: условие противоречило цели презентации. Яна оставила её в документе и нажала «принять».

Назначение вступило в силу. До публичного пилота оставалось восемь дней.

Глава 6. Брат без перевода

Лев ждал её на кухне с семейным хранилищем согласий перед собой.

Небольшая белая коробочка обычно стояла в верхнем шкафу между аптечкой и запасными фильтрами. Сейчас крышка была открыта, два гнезда пустовали, а на столе лежали их домашние браслеты. Лев не надел свой после школы.

— Ты видел ролик, — сказала Яна.

— Его видел весь класс.

Он повернул экран. Короткая запись остановилась на сером кольце Яны. Под ней школьный канал приглашал учеников на молодёжный форум: «Оператор “Созвучия”, спасающая ребёнка, покажет, как город слышит скрытую опасность».

— Я ещё не оператор программы.

— Здесь написано, что оператор.

— Я оператор одного публичного пилота. Без усиления.

— Значит, согласилась.

Яна сняла куртку и повесила её на спинку стула. Она собиралась рассказать сама, спокойно и по порядку: сначала происшествие, потом искажённая запись, потом условия, с которыми приняла назначение. Теперь любой порядок выглядел оправданием.

— Сегодня у шлюза потерялся мальчик. Я спросила его сестру, не пришла ли она с кем-то. Она ответила, охрана про-

верила метку, и его нашли.

— Я видел версию, где ты почувствовала его через стену.

— Это неправда.

— Но на форум ты пойдёшь благодаря этой неправде.

В затылке шевельнулся холод. После возвращения домой эхо почти исчезло; теперь оно снова напоминало о себе при каждой паузе Льва. Яна коснулась кольца, но не включила его.

— Я добавила в протокол, что запись не доказывает точность системы.

— В приглашении этого нет.

— Я добьюсь исправления.

— До или после того, как все подключатся посмотреть?

Лев говорил ровно, без своей обычной торопливости. Яна заметила, как он держит левую ладонь под столом. Ей захотелось спросить, дрожат ли пальцы. Вопрос уже обрёл форму, когда она поняла: он снова заставит Льва объяснять себя вместо того, чтобы услышать сказанное.

Она села напротив.

— Ты хотел поговорить о хранилище.

— Я хочу удалить мои школьные отклики.

— Домашнее хранилище не управляет школьным архивом.

— Но через него давалось семейное согласие, когда мне было пятнадцать.

— Срок тех записей должен был закончиться.

— «Должен был» — хорошая гарантия.

Яна придвинула коробку. На внутренней стороне крышки светились две цепочки: её взрослая подпись и старая семейная, которой они пользовались до совершеннолетия Яны. Напротив имени Льва стояли три школьных разрешения. Два были серыми. Третье, «контур безопасности общих зон», мерцало жёлтым.

— Оно действует до конца учебного года, — сказала Яна.

— Я отозвал его сегодня.

— Тогда почему жёлтое?

— Вот это я и пытаюсь выяснить.

Она открыла карточку. Основной срок действительно закончился в семнадцать сорок две. Ниже мелким шрифтом шло продолжение: данные, уже включённые в обезличенную групповую модель, сохранялись до завершения калибровочного цикла.

— Это не индивидуальный след, — сказала Яна. — Там нельзя выделить тебя.

— Ты уже рассказывала, как нельзя выделить человека. Потом узнала мой страх в чужой записи.

— И ошиблась.

— Именно.

Ответ лишил её готового возражения.

— Групповая модель не должна подписывать вывод твоим именем, — сказала она.

— Не должна.

— Тебя подписали?

Лев наконец вынул руку из-под стола. Пальцы не дрожали. В ладони лежал школьный жетон доступа с красной полосой ограничения.

— После драки в переходе.

— Какой драки?

— Позавчера. Я не участвовал.

— Почему ты не сказал?

— Потому что ты проходила отбор и всё равно спросила бы, что я чувствовал.

— Я спросила бы, что случилось.

— Сейчас спросила «какой драки», а следующим вопросом уже было бы про чувство.

Яна почувствовала укол несправедливости. Он обвинял её в вопросе, которого она не задала. Потом посмотрела на кольцо под пальцем и убрала руку.

— Расскажи только то, что хочешь.

Лев провёл жетоном по столу. Красная полоса погасла и зажглась снова.

— В переходе сцепились двое старших. Мы стояли у лестницы, человек десять. Охрана разняла их. На следующий день четверых вызвали к куратору как группу высокого риска. В отчёте было написано, что я инициировал напряжение до драки.

— Почему ты?

— Потому что мой браслет первым показал скачок.

— Ты знал, что они подерутся?

— Я увидел, как один спрятал ремень от сумки под рукавом. Подумал, что он ударит пряжкой.

— Ты предупредил кого-нибудь?

— Нору. Она позвала охранника.

— Тогда твоя реакция действительно помогла.

Лев усмехнулся без улыбки.

— Помогла Норина фраза. Но в отчёте автор — я, действие — «эскалация группового напряжения». Двоих дравшихся отпустили после объяснений, а мне закрыли доступ в мастерскую на неделю.

Яна взяла жетон. Ограничение было административным, не дисциплинарным: система советовала снизить число контактов для участника, чья реакция могла распространиться на группу. Решение подписал школьный координатор, но основанием значился автоматический индекс.

— Можно оспорить.

— Я оспорил. Мне ответили, что индекс не обвинение, а мера безопасности.

— Тогда на каком основании закрыли мастерскую?

— Чтобы моя «активация» не повлияла на других.

— Это бессмыслица.

— Теперь заметила?

Яна открыла историю согласий. Жёлтая запись включала не только общие зоны школы, но и форум: организаторы объединили школьные контуры в одну калибровочную вы-

борку. Отзыв Льва прекратил новые измерения, однако его прежние реакции оставались в модели до конца мероприятия.

— На форуме будет твоя школа, — сказала она.

— Поэтому я и достал коробку.

— Я могу попросить Саву проверить, можно ли исключить вклад после отзыва.

— Не проси Саву. Удали разрешение семейным ключом.

— Оно уже отозвано. Если стереть цепочку здесь, школьная копия не исчезнет. Мы потеряем доказательство срока.

— Значит, хранилище нужно только затем, чтобы доказать, что они могут не выполнить отзыв?

— Оно хранит твою подпись отдельно от их системы.

— Моё «нет» хранится. А мои старые реакции продолжают работать. Очень отдельно.

Яна увеличила карточку до технических полей. Семейный ключ мог запретить повторное открытие индивидуального следа, но не удалял уже вычисленные групповые коэффициенты. Для их пересборки требовалось решение владельца школьного контура.

— Я напишу запрос куратору сегодня.

— А если не пересоберут до форума?

— Я не стану использовать школьный контур.

— Марен согласился?

— В моих условиях есть добровольные участники.

— Я добровольно участвовал два года назад. Этого хва-

тило.

Она хотела объяснить разницу между индивидуальным откликом и групповым коэффициентом. Формулировки уже выстраивались: модель не хранит личность, вклад статистически неотделим, техническое использование не равно чтению. Каждая была верна и ни одна не отвечала на требование Льва.

— Что именно ты хочешь от меня сейчас? — спросила Яна.

— Чтобы ты не открывала мой закрытый след. Ни ради проверки, ни ради безопасности, ни если решишь, что там ответ.

— Я и не могу открыть его без ключа.

— Можешь через рабочий доступ. Ты сама рассказывала про остаточные записи.

— Они обезличены.

— Яна.

Он произнёс только имя. В нём не было ни просьбы, ни обвинения, которое она могла бы разобрать на версии.

— Хорошо, — сказала она. — Никогда не открою твой закрытый след.

— Даже если из-за меня остановят форум?

— Даже тогда.

— Если кто-то скажет, что это предотвратит драку?

— Не открою.

— Если я сам не смогу ответить сразу?

Последнее условие оказалось труднее. Яна представила красную метку на городском контуре, толпу, Льва вне связи и запись, в которой может быть объяснение. Полезный ответ рядом, доступ требует одного нарушения, а время уходит.

— Если ты не ответишь, это не будет согласием, — сказала она. — Я не открою.

Лев следил за ней несколько секунд.

— Запиши.

— Ты мне не веришь?

— Верю обещанию, которое можно проверить.

Она вспомнила, как сама требовала полную последовательность в отчёте о спасении. Обижаться означало просить для себя исключение.

Яна открыла семейную цепочку и создала постоянный запрет: «Закрытые индивидуальные следы Льва Рея не открываются подписью Яны Рей без нового прямого согласия Льва на конкретную запись, цель и срок. Молчание, недоступность и предполагаемая польза не заменяют согласие».

— Прочитай.

Лев прочёл дважды.

— «Постоянный» запрет можно отменить?

— Владельцем ключа.

— Ты владелец.

Яна посмотрела на два пустых гнезда. Физический ключ был не похож на ключ: узкая матовая пластина, которая обычно лежала под нижней вставкой коробки. Её мать офор-

мила хранилище на Яну перед долгой морской сменой, потому что та уже была совершеннолетней. Лев оставался участником, но не распорядителем.

Яна вынула пластину и положила перед ним.

— Теперь ты.

— Мне семнадцать.

— Ты можешь держать ключ собственного раздела. Для семейных изменений всё ещё понадобится моя подпись, но открыть твои записи без пластины я не смогу.

— А рабочим доступом?

— Запрет увидит система. Технически можно запросить обход у хранителя при городской аварии.

Лев отодвинул пластину.

— Тогда это опять обещание.

— Да. Техника не сделает его вместо меня.

— Зачем ключ?

— Чтобы нарушение не получилось случайным и не выглядело штатной кнопкой. Мне придётся назвать его обходом и оставить след.

Он снова придвинул пластину к себе. Коробка попросила приложить палец. Лев подтвердил принятие, и третье гнездо на крышке загорелось белым.

— Маме скажешь ты, — сказал он.

— Скажу.

— Не как о моём эмоциональном кризисе.

— Как о смене держателя ключа.

Лев надел браслет, но жетон с красной полосой оставил на столе.

— Почему ты не сказал про ограничение раньше?

— Это снова вопрос, на который я обязан отвечать?

— Нет. Я хочу понять, но ты можешь не отвечать.

— Тогда не сейчас.

Яна кивнула. Ответ не принёс близости. Между ними осталось пространство, которое нельзя было заполнить правильной процедурой.

Она отправила школьному куратору запрос на пересборку модели после отзыва согласия и приложила копию административного ограничения. Потом открыла условия публичного пилота. Строка о добровольных участниках не запрещала системе использовать старые групповые коэффициенты аудитории.

Яна добавила запрет и получила красное предупреждение: «Без фоновой модели точность демонстрации не гарантируется».

— Вот, — сказал Лев, заглянув в экран. — Это они и хотят показать.

— Низкую точность без старых данных?

— Нет. Что один человек может оставить след на всех.

— Кто — они?

Лев помолчал, и Яна не повторила вопрос.

— На форуме будет группа «Нулевая волна», — сказал он сам. — Старшие из трёх школ и двое стажёров. Они собира-

ются одновременно отозвать согласия во время показа.

— Это их право.

— Да. Но один останется подключённым и вызовет сильную реакцию. Они хотят доказать, что система припишет его намерение всей группе.

— Какую реакцию?

— Не знаю. Мне не сказали.

— Ты с ними?

— Я передал им свой отчёт из перехода.

Яна закрыла окно условий.

— Если они знают механизм, демонстрацию остановят до результата.

— А если механизм уже использовали на нас, почему мы обязаны делать вид, что не знаем его?

— Потому что сильный сигнал в толпе может запустить реальную тревогу.

— Или показать, что тревогу запускает не толпа, а подпись системы.

Лев взял ключ и убрал во внутренний карман. Теперь между Яной и его закрытым следом лежала не только строка в интерфейсе, но и его собственное решение.

— Скажи, кто останется подключённым, — попросила она.

— Не знаю.

Она всмотрелась в его лицо и заметила слишком быструю паузу перед ответом. Кольцо было выключено. Эхо ушло.

Оставалась только привычка превращать паузу в подозрение.

— Хорошо, — сказала Яна.

Лев поднялся из-за стола.

— Не верь первому смыслу, который покажет форум.

Он ушёл в комнату, не забрав красный жетон. Яна осталась перед открытым хранилищем и приглашением, где город уже называл её человеком, способным услышать скрытую опасность.

Теперь она знала о готовящейся проверке. Не знала только, проверять будут «Созвучие» — или её обещание не переводить брата без спроса.

Глава 7. Демонстрация

За двадцать минут до открытия форума площадь перед молодёжным центром уже звучала так, будто на ней спорили четыре разных города.

У северного входа школьные делегации отбивали ладонями короткий ритм. Возле сцены волонтёры повторяли правила эвакуации. У ограды стояли участники «Нулевой волны» с белыми полосами ткани на рукавах; они не скандировали, а по очереди произносили несовместимые фразы.

— Нам страшно.

— Мы спокойны.

— Мы хотим войти.

— Мы не даём согласия.

Яна слышала их обычным слухом через стекло операторской. Кольцо на пальце оставалось тёплым и выключенным.

— Они репетируют помеху, — сказал городской координатор Герд Лан. — Ваша задача — не дать ей заслонить риск.

— Противоречие не помеха, — ответила Яна. — Это содержание.

Лан провёл пальцем по схеме площади. После ночных отзывов зелёных точек подключённых браслетов стало меньше почти на треть. Участки без данных система закрашивала ровным серым.

Марен стоял у второго пульта. Перед ним шли три колон-

ки: добровольные отклики, старая фоновая модель и прогноз движения. Яна добилась, чтобы школьный контур Льва исключили из первой колонки. Во второй по-прежнему оставались групповые коэффициенты прошлых недель.

— Запрос на пересборку принят, — тихо сказал Марен.
— До начала не успели.

— Тогда фоновую модель не используем.

— Без неё возрастёт задержка.

— Это записано в моих условиях.

Марен отключил колонку сам. Жёлтая рамка вокруг прогноза стала красной: «Достоверность не гарантируется».

Лан заметил предупреждение.

— На площади две тысячи человек. Мне не нужна демонстрация принципов. Мне нужен один ответ: безопасно открывать входы или нет.

— Одного ответа ещё нет.

— Тогда получите его.

За стеклом поднялась первая белая полоса. По площади прошла волна жестов: школьники коснулись браслетов и подтвердили отзыв. Зелёные точки гасли рядами. Остались волонтеры, сотрудники центра, часть зрителей и семь точек у ограды.

Одна из семи вспыхнула так резко, что даже на схеме казалась горячей.

— Начали, — сказал Сава из технического ряда.

Яна включила кольцо.

Первым пришло давление в груди — не боль, а теснота, будто вдох следовало экономить. За ним возникла лёгкость в коленях, готовых сорваться с места. Потом чужой азарт: сухой язык, быстрые пальцы, удовольствие от того, что другие ещё не знают правил игры.

Интерфейс собрал ощущения в янтарную надпись: «Рост агрессивного намерения».

Яна закрыла метку ладонью.

— Линии раздельно.

Сава убрал автоматическую сводку. На экране осталось семь дорожек без имён. Пять почти не менялись. Шестая передавала тесноту и поиск выхода. Седьмая — азарт, ожидание резкого движения и пристальное внимание к правому служебному проходу.

— Источник семь готовится к атаке, — сказал Лан.

— Или ждёт момента для действия, которое считает удачным. Мы не знаем какого.

— Вы чувствуете агрессию?

— Я чувствую возбуждение и готовность двигаться. «Агрессия» — толкование.

Внизу распахнули западные двери. Толпа с площади одновременно подалась к ним, хотя волонтеры ещё не сняли ленту с восточного входа. Две очереди встретились у временной перегородки.

Теснота в груди усилилась. Теперь она приходила не только с шестой линии. Подключённые у сцены один за другим

передавали сбитое дыхание, напряжённые плечи, потерю обзора. Система смешала их в густой фон и подняла уверенность метки до восьмидесяти двух процентов.

— Один прогноз, — потребовал Лан. — Сейчас.

Яна прижала холодную грань кольца к соседнему пальцу.

Источник. Толкование. Срок. Ответ.

— Первая гипотеза: у западного входа начинается страх давки. Его подтверждают направление движения и потеря обзора. Вторая: несколько участников заранее готовы использовать резкое движение толпы для провокации. Эти линии нельзя складывать в общую агрессию.

— Что делать?

— Открыть восточный вход полностью, погасить музыку, голосом вернуть людям выбор направления. Сотрудников без щитов — к правому служебному проходу. Не задерживать группу по эмоциональной метке. Наблюдать за действиями.

Лан уже отдавал команды. Музыка оборвалась на середине такта. Над площадью прозвучал спокойный голос волонтера: восточные двери открыты, проход свободен, у западного входа просят не двигаться вперёд.

Толпа не послушалась сразу. Задние ряды ещё давили, не видя перегородки. Яна почувствовала чужую пятку, потерявшую опору, хотя стояла на ровном полу операторской.

— Перегородку убирать, — сказала она.

— За ней кабельный канал, — возразил Сава.

— Тогда разомкнуть слева. Люди упрутся в тупик.

Марен передал команду площадной группе. Двое волон­тёров отстегнули секцию. Поток из узкого клина разлился вбок. Давление в груди не исчезло, но перестало расти.

В этот момент седьмая линия дала короткий удар ликования.

На камере у служебного прохода девушка в белой повязке подняла руку. Двое рядом с ней достали из сумок свёрнутые тубусы. Они не разворачивали плакаты. Один наклонился к креплению лёгкой направляющей, которая отделяла служебную лестницу от площади.

— Вижу действие, — сказала Яна. — Камера справа. Трое у направляющей. Проверить предметы и крепление.

— Задержать, — приказал Лан.

— Сначала остановить действие и спросить. Не всю группу.

Четверо сотрудников центра подошли с двух сторон. Без шлемов и щитов они не вызвали нового рывка толпы. Девушка бросила тубус на землю. Из него выкатились тонкие ленты с магнитными замками. Второй участник успел прикрепить одну к направляющей и потянул: секция должна была упасть поперёк освобождённого прохода.

Сотрудник перехватил его руку. Третий шагнул назад и поднял обе ладони.

— Проход не перекрыт, — доложили снизу. — Три человека отделены. В тубусах ленты и дымовые маркеры, без

опасных составов.

— Провокация подтверждена, — сказал Лан.

— Действие троих подтверждено. Намерение остальных — нет.

Он взглянул на неё так, будто разница была роскошью после предотвращённой давки.

У западных дверей люди наконец начали отходить. Восточный вход принял новый поток. Шестая линия ослабла, а затем исчезла: её носитель отозвал согласие. На экране осталось не чувство, а пустое поле.

Яна сняла кольцо.

— Демонстрация окончена.

— Она только удалась, — сказал Лан.

У ограды «Нулевая волна» подняла белые полосы. Они доказали ошибку общего авторства и одновременно дали координатору настоящее действие, которое можно было предъявить вместо ошибки.

Марен сохранил рабочий протокол.

— Запиши формулировку сейчас, — попросила Яна. — Две гипотезы, основания каждой и отдельно наблюдаемое действие троих.

— Уже пишу.

— И что давку остановило изменение маршрута, а не задержание.

— Яна, я пишу.

Она услышала раздражение и не стала угадывать, что

скрывается под ним. На экране появлялись её слова без сокращений.

В операторскую вошла помощница Лана с камерой городского канала. Красный огонёк уже горел.

— Нам нужен короткий итог для участников, — сказала она. — Что обнаружила система и как предотвращена угроза?

— Система не обнаружила единое намерение, — ответила Яна. — Мы получили противоречивые сигналы. Были две гипотезы: страх давки и готовность нескольких людей к заранее выбранному действию. Давку предотвратили открытием второго входа. Трех остановили после того, как камера показала попытку перекрыть проход.

Помощница опустила камеру.

— Это длинно.

— Короче будет неверно.

— Людям нужно понимать, почему их задержали у входа.

— Большинство не задерживали из-за сигнала.

Лан встал рядом с Яной.

— «Созвучие» своевременно распознало риск агрессии, после чего служба форума предотвратила провокацию и обеспечила безопасный вход, — произнёс он. — Этого достаточно.

— Нет, — сказала Яна. — Система первой предложила ошибочную общую метку. Если оставить её, получится, что страх людей был агрессией.

— В рабочем отчёте останутся детали.

— Участники увидят не рабочий отчёт.

Красный огонёк снова загорелся. Помощница задала вопрос Лану, не Яне. Он повторил подготовленную фразу, заменив «риск агрессии» на «эмоциональную угрозу». За его плечом в стекле отражалось лицо Яны и экран с семью раздельными дорожками. Камера их не различала.

Марен выключил городской звук.

— Мы можем приложить полный протокол.

— Когда?

— После внутренней проверки.

— А метка уже вышла в эфир.

На площади участники получили уведомления почти одновременно. Браслеты засветились у сотен запястий. Те, кто отозвал согласие, тоже увидели заголовок: «Система распознала агрессию на молодёжном форуме».

Белые полосы поднялись выше.

— Они сами принесли ленты, — сказал Марен. — Если бы направляющая упала в поток, были бы травмы.

— Поэтому мы остановили троих.

— Без сигнала мы могли заметить их позже.

— Сигнал помог найти камеру. Он не давал права назвать агрессивными всех.

— Я этого и не говорю.

— Но система теперь говорит твоим отчётом.

Марен развернул экран. Полный текст сохранился в жур-

нале оператора. Ниже автоматическая форма городского протокола содержала только четыре поля: время, участок, уровень риска, итоговая метка. В поле «итоговая метка» уже стояло «агрессия». Развернутые гипотезы ушли во вложение, доступное сотрудникам аудита.

— Я не выбирал форму, — сказал он.

— Ты знал, что она такая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.